

БОЛТЕНКО Е. Ф. — ПЕШКОВОЙ Е. П.

БОЛТЕНКО Михаил Федорович. Получил высшее образование. С 1910 — работал археологом, участвовал в экспедициях в Ольвии, с 1921 — служил в Одесском историческом музее. Профессор истории материальной культуры и искусства, действительный член Всеукраинского Археологического Комитета и Берлинского Археологического Института. В 1933 — перевелся на работу в Харьков. 27 января 1934 — арестован, 27 мая приговорен к 5 годам ИТЛ и отправлен в Дальлаг (Владивосток). В декабре активирован по болезни, в июле 1935 — переведен на работу в совхоз, 8 ноября получил документы на освобождение из лагеря, собирался выехать в Одессу.

БОЛТЕНКО Евгения Филипповна. Проживала в Одессе. Вышла замуж за Михаила Федоровича Болтенко. С 1920 — работала в РКИ по Наробразу, с 1923 — занималась домашним хозяйством и воспитанием троих малолетних дочерей, с 1928 — общественной работой в Жилкоопе, с августа 1935 — школьная медсестра. 11 ноября 1935 — получила распоряжение на высылку из Одессы. 20 ноября обратилась за помощью к Е. П. Пешковой.

<20 ноября 1935>

«Болтенко Евгении Филипповны,
проживающей в г<ороде> Одессе по
Пироговской ул<ице>, д<ом> № 5, кв. 9

Жалоба

Муж мой Болтенко Михаил Федорович, известный археолог, проф<ессор> истории материальной культуры и искусства, автор ценных работ по истории материальной культуры, возглавлял археологическую экспедицию в Ольвии на острове г<орода> Березани и в с<еле> Усатове. Вся научная работа моего мужа еще со студенческой скамьи (1908 г<ода>) была посвящена изучению истории материальной культуры северного Черноморья.

Болтенко М. Ф. является действительным членом Всеукраинского Археологического Комитета, членом Паритетной Комиссии по обмену археологическими ценностями и ряда других научных комиссий. Кроме того, он является действительным членом Берлинского Археологического Института. Все занимаемые им должности можно документально подтвердить, если будет необходимо. Из-за отсутствия средств не могу приехать и привезти.

Несколько ценных работ его остались еще незаконченными, исследовательские материалы для них собирались моим мужем 25 лет. Работая на поприще просвещения, муж мой отдал этому любимому им делу 25 лет своей научной деятельности, он отдал на благо отечества все свои знания, а главное — здоровье, силу и энергию. Во все периоды исторических событий всегда муж мой являлся на страже Советского строя. Занятый исключительно своей научной деятельностью, на которую уходила и целиком ушла вся его жизнь, он стремился своими исследовательскими работами обогатить советскую науку.

В 1933 г<оду> он в должности пом<ощника> директора работал в Одесском Историческом музее, где он с 1921 г<ода> работал в других должностях. Муж мой заведовал научной частью музея, а директор — администратор по хозяйственной части. У мужа происходили столкновения с директором на почве вредительского отношения к музейным экспонатам со стороны директора. В настоящее время быв<ший> директор этот

(Ковальский) снят после ревизии из центра с запрещением занимать руководящие должности.

Как честный беспартийный большевик, муж мой выступил на чистке партии публично против Ковальского и указал на ряд неправильных действий последнего в отношении некоторых экспонатов, которые являются в области археологии уникальными. И за то, что муж мой выявил некоторые его аномальности по службе, бывший директор начал мстить, причем, в выборе средств для того, чтобы опорочить безгранично честное и всеми уважаемое имя мужа моего и оградить свои личные интересы, он не стеснялся. И своей цели он добился. Муж мой был снят с работы, с академического снабжения, а спустя несколько месяцев, когда он получил работу в Харькове, был снят и там с работы и арестован — 27/II-1934 г<ода>, а 27/IV-34 г<ода> был осужден Коллегией ГПУ на пять лет концлагеря. 13/VI его отправили на Дальний Восток. Во Владивостоке он пробыл до 29 июня 1935 г<ода>, несколько раз лежал в больнице; от сурового климата он заболел ревматизмом, пороком сердца, цынгой, инфиземой легких и, под конец, психостенией, был еще в декабре 1934 г<ода> активирован, как инвалид, и теперь последнее письмо от него от 29/X со ст<анции> Средне-Белая, где он находится с июля месяца 1935 г<ода> в совхозе, в больнице он пишет, что, возможно, его отпустят домой, как больного, неподдающегося лечению. У него язвы не заживают на ногах, цынготного характера. Думаю, что государству интереснее, чтобы муж мой не был бесполезным балластом, находясь в климатических и бытовых условиях, не отвечающих его физическому состоянию на сегодняшний день, а чтобы государство получало максимальную пользу, как от высококвалифицированного специалиста в своей области (хотя бы одними писаниями — итогами его научной деятельности за всю жизнь), получая необходимую физическую поддержку от своей занимающейся честно общественно-полезным трудом семьи и давая взамен семье свою нравственную и умственную поддержку своим присутствием, знаниями и жизненным опытом.

Оставшись с тремя дочерьми, престарелой, болезненной теткой и сестрой, имела возможность в Одессе как-либо с трудностями существовать: сама я работаю в ОЗД в качестве школьной медсестры. Еще при муже в 1920 и 1921 г<одах> я работала в РКИ по Наробразу. После смерти сына моего <в> в 1921 г<оду> я тяжело заболела и дочь (нервное заболевание), я вынуждена была оставить на время службу. Потом, придя в себя, <в> 1923 г<оду> я занималась домашним хозяйством и ухаживала за тремя тогда малолетними дочерьми и больной свекровью, которая умерла <в> 1928 г<оду>, в свободное время занималась общественной работой по Жилкоопу, принимала участие в политических компаниях: по сбору тары для уборки зерна, распространению облигаций, по сбору денег на помощь пострадавшим рабочим в разных странах (австрийским) и вела работу по санитарной части. Была премирована <в> 1932 г<оду> жетоном, <в> 1934 — грамотой. В 1934 г<оду> я слушала курсы Краснокрестовские и закончила их хорошо. По окончании их я работала в дневной детской санатории "Друзья детей" с 10 июня по 30 августа 35 г<ода>, была премирована, а сейчас — школьной медсестрой в двух школах 43 и 25-ой, 5 ноября 35 г<ода> была премирована грамотой.

Одна дочь работает аккомпаниатором в 72 школе, другая дочь работает техником в Садовом тресте с 1932 г<ода>, члены союза, член ИТР. Сестра моя с 1926 г<ода> работает педагогом в детском саду № 6 — член союза с 1926 г<ода>. Младшая дочь — 13 лет, ученица 23 средней школы, в 7-ом классе, учится хорошо. Все неоднократно премированы.

А теперь, 11 ноября мне вручили путевку на выезд, на моем иждивении тетя и младшая дочь. По имеющимся у меня сведениям, и у дочерей старших забрать хотят паспорта, хотя они самостоятельно работают.

До 30 ноября мне продлили путевку, а дальше я должна уехать в не режимный город. Как осуществить это, я затрудняюсь даже думать. Днем на работе, а вечером ничего не сделаешь. Книг много, труды мужа надо сохранить, вещи, которые у меня есть, надо за гроши или совсем отдавать без денег, а на что ехать и куда, и как жить, не додумаясь. А по последнему письму от мужа, он должен выехать числа 8/XI, если пассажирским поездом, то дорога равна 12 дням, а если товарным — то от 40 до 45 дней. Более нелепого положения еще не было в моей жизни. И все это результаты сведения личных счетов Жилкоопа и заместителя председателя нашего Ильичевского райсовета, который занял еще в 1934 г<оду> одну комнату в нашей квартире и угрожал, что выбросит нас совсем. Возбудил дело через прокуратуру, и суд был на нашей стороне, но он остался жить и по сей день, а комнату, которую хотел он вторую отнять у нас, суд присудил нам. С тех пор я покоя не имею. Непрерывное гонение со стороны Жилкоопа, которое вылилось теперь в отнятии паспорта.

Я обращаюсь к Вам, как к человеку с добрым, отзывчивым сердцем и светлым разумом, лишенным какой-либо мести и злобы, помочь мне в постигшем меня горе.

Я прошу Вашего авторитетного, наискорейшего распоряжения Одесской Областной милиции о выдаче мне паспорта и моим детям, и тете, и о приостановлении выселения, ибо покинуть пределы Одессы в 10 дней, где все мы связаны работой, благодаря чему можем жить и поддерживать свое слабое здоровье, равносильно смерти, так как единственным источником для нашего существования является работа, принимая во внимание и то обстоятельство, что дети мои все родились в Одессе, сама я живу в Одессе 25 лет, тетя 27 лет, а сестра 18 лет. Простите за причиненное Вам беспокойство, дорогая Екатерина Павловна, но зная Ваше доброе, отзывчивое сердце, я решилась обратиться к Вам за помощью. Никогда не забудем об оказанной Вами нам помощи.

20/XI 35 г<ода>. С искренним признанием
Е. Болтенко.

г<ород> Одесса
Пироговская 5, кв. 9»¹.

¹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1417. С. 56-59. Автограф.